

Л. А. Смаглюк, ст. преп.,
Ивано-Франковский пединститут

К проблеме датировки поэмы М. Ю. Лермонтова «Сашка»...

Реалистические поэмы М. Ю. Лермонтова («Тамбовская казначейша», «Сашка» и «Сказка для детей») неоднократно были предметом изучения. Однако существует проблема, связанная с вопросом о последовательности, в которой они создавались.

Вопрос о датировке художественного произведения, в частности лермонтовских реалистических поэм, отнюдь не является второстепенным, несущественным. Датировка произведения — одна из важнейших проблем текстологии. «Указать период, в течение которого произведение создавалось, — значит сделать его историческим фактом той или иной эпохи» [11, с. 73]. Действительно, более или менее точная датировка позволяет глубже проникнуть в идейно-художественные особенности любого произведения, осмыслить его место в историко-литературном процессе. Особую важность это приобретает при изучении творческого пути М. Ю. Лермонтова, эволюция которого происходила стремительно, порой внешне противоречиво, однако отличалась внутренней логикой и закономерностью. Установление истинной датировки и последовательности создания тех или иных произведений совершенно необходимо для более ясного и четкого представления не только об основных этапах творческого пути Лермонтова, но и о месте каждого произведения в сложном процессе развития его таланта.

Почему же возникают трудности с точной датировкой реалистических поэм Лермонтова? Во-первых, неизвестны авторские даты создания этих произведений: отсутствует автограф «Тамбовской казначейши», утрачена окончательная авторская редакция «Сашки», в авторизованной копии «Сказки для детей» даты нет. Во-вторых, в эпистолярном наследии Лермонтова, в переписке и воспоминаниях современников отсутствуют сколько-нибудь точные указания на время создания этих произведений. Тем не менее необходимо попытаться восстановить последовательность работы Лермонтова над реалистическими поэмами.

Вопрос о датировке «Тамбовской казначейши» и «Сказки для детей» заслуживает отдельного исследования. Целью насто-

ящего сообщения является попытка уточнения датировки поэмы Лермонтова «Сашка», поскольку эта текстологическая проблема вызывает особенно много разногласий.

Лермонтов начал работать над «Сашкой» еще в 1835—1836 гг. Сохранились черновые наброски поэмы в юнкерской тетради «Лекции по географии» и опубликован утраченный черновой автограф «Сашки» в «Библиографических записках» (1861, № 18) по тетради Лермонтова, содержащей некоторые стихи, написанные поэтом до первой ссылки на Кавказ в 1837 г. [10, с. 201—208]. Характерно мнение И. Андроникова, который считает, что все это «еще ничего не говорит о времени написания поэмы: чистые листы тетради 1834 г. Лермонтов мог использовать долгое время спустя» [7, т. 2, с. 529].

В собрании сочинений Лермонтова под редакцией П. Висковатова поэма «Сашка» датирована 1836 г. Висковатов ссылался на свидетельство А. Шан-Гирея: «Тогда же (январь — февраль 1836 г. — Л. С.) Лермонтов в Тарханах стал писать поэму «Сашка», пользуясь набросками, сделанными им в разное время...» [3, т. 2, с. 344]. Следует учитывать, что в современном лермонтоведении отмечены неточности, свойственные воспоминаниям А. Шан-Гирея о великом поэте [9, с. 400—416]. Тем не менее во всех последующих изданиях Лермонтова безоговорочно и без дополнительной аргументации принята эта дата.

Только в 1935 г. Б. Эйхенбаум [4, т. 3, с. 602] пересмотрел сложившуюся традицию, датировав «Сашку» 1839 г. Изучая историю создания поэмы, ученый обратил внимание на то, что ее строки «Но ныне нас противное пугает: Неаполь мерзнет, а Нева не тает» [6, т. 2, с. 285] — не только намекают на революционные события 20-х годов (восстание карбонариев в Неаполе и декабристов в Петербурге), но и содержат конкретную информацию о погоде. Исследователям удалось выяснить, что позднее таяние Невы относится к 1839 г. Кроме того, некоторые строфы поэмы (2—4 и 137—138) вошли в измененном виде в стихотворение «Памяти Одоевского» (1839). По этим и некоторым другим признакам Эйхенбаум пришел к выводу, что поэма написана в 1839 г. «Так и датировалась эта поэма с 1931 по 1953 год не только во всех изданиях сочинений Лермонтова, но и в трудах, посвященных изучению его творческого пути» [7, т. 2, с. 530].

В 1953 г. в комментариях И. Андроникова к поэме «Сашка» было впервые изложено содержание неопубликованной статьи М. Николовой, которая предложила вернуться к датировке П. Висковатова [5, т. 2, с. 530].

Во-первых, Николова установила, что строчки «...Неаполь мерзнет, а Нева не тает» могут объясняться поздним вскрытием Невы и поздним таянием снегов на юге Европы в 1835 г. Во-вторых, по мнению исследовательницы, в 1839 г., когда Лермонтов регулярно публиковал новые стихотворения в «Отечественных записках», слова поэта о том, что его стихи «давно уж не звучали, И вдруг с пера бог знает как упали» [6, т. 2,

с. 323), выглядят неестественно. В 1835—1836 г., когда Лермонтов почти не писал стихов, такое признание звучит логично. Николева обратила внимание на то, что в поэме нет упоминаний о жизни Лермонтова в Петербурге, ссылке на Кавказ, смерти Пушкина, нет деклараций своей литературной позиции. Поэма далека от произведений 1838—1839 гг., в частности от «Героя нашего времени», и т. п. [7, т. 2, с. 530].

Точку зрения Николевой разделил и Андроников. Поддерживая ее полемику с Эйхенбаумом, исследователь по-новому интерпретировал близость строф из поэмы «Сашка» и стихотворения «Памяти Одоевского». По его мнению, «эта близость скорее может служить аргументом против 1839 года: вряд ли Лермонтов мог одновременно вносить и в поэму, и в стихотворение, предназначенное для печати, одни и те же стихотворные строки. Но совершенно естественно, если он заимствовал их из ранней поэмы, которую печатать не собирался» [7, т. 2, с. 530].

Аргументация Николевой и Андроникова оказалась для многих исследователей вполне убедительной, в последних наиболее авторитетных изданиях сочинений Лермонтова поэма датируется 1835—1836 гг. Такую же точку зрения неоднократно высказывал и Э. Найдич [10, с. 201—208; 8, с. 498—499 и др.].

Все же возникают серьезные сомнения в убедительности такой датировки. Во-первых, позднее вскрытие Невы в 1835 г. не отменяет холодной весны 1839 г. * Во-вторых, свидетельство по-эту, что его стихи «давно уж не звучали, И вдруг с пера бог знает как упали», чрезвычайно интересно с точки зрения психологии творческого процесса, но не может быть серьезным аргументом для датировки произведения. Пю непонятым причинам М. Николева не увидела в поэме литературных деклараций автора. Это тем более удивительно, что именно литературным вопросам в поэме уделяется достаточно много места. Показательной является уже первая строфа:

Наш век смешон и жалок, — все пиши
Ему про казни, цепи да изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да страданья.
Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто думать любит,
Кто дни свои в воспоминаньях губит.
Впадал я прежде в эту слабость сам,
И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как бывало, —
Пою, смеюсь. — Герой мой добрый малый

[6, т. 2, с. 275].

* По остроумному замечанию В. Закруткина, не обязательно воспринимать эту информацию у Лермонтова только в «метеорологическом смысле». Исследователь считал, что здесь речь идет о политических событиях в Европе: «Европейское революционное движение гаснет, а в России оно не растается» [2, с. 231]. Если принять эту точку зрения, снимается вопрос о конкретном годе описанного природного явления.

Эта строфа представляет собой развернутую литературную декларацию, связанную с размышлениями Лермонтова об эстетических задачах, новом для него творческом подходе к изображению действительности и т. д. В тексте поэмы можно обнаружить не менее значительные замечания Лермонтова, который настойчиво подчеркивал свою новую литературную позицию, связанную с попыткой рассказать «историю» молодого человека, своего современника. Как и в эстетически близкой к «Сашке» «Тамбовской казначейше», Лермонтов, с одной стороны, хотел рассказать о «старом» по-новому; с другой — новые установки поэт связывал с традициями «старого», пушкинского реализма. В «Тамбовской казначейше»: «Пишу Онегина размером; Пою, друзья, на старый лад»; в «Сашке»: «Картина будет; это — только рама! От правил, утвержденных стариной, Не отступлю...» [6, т. 2, с. 276].

Новый метод диктовал и другие средства, стиль, манеру повествования, поэтику;

Я не философ — боже сохрани! —
И не мечтатель. За полетом пташки
Я не гонюсь, хотя в былые дни
Не вовсе чужд был глупой сей замашки.
Ну, муза, — ну, скорее, — разверни
Запачканный листок свой подорожный!..

Луна катится в зимних облаках,
Как щит варяжский или сыр голландский.
Сравненье дерзко, но люблю я страх
Все дерзости, по вольности дворянской

[6, т. 2, с. 277—278].

Легко заметить, что приведенные отрывки в какой-то мере созвучны стихотворению Лермонтова «Из альбома С. Н. Карамзиной» (1839—1841) — своеобразной литературной программой «позднего» Лермонтова. Поэт именно здесь наиболее отчетливо пересматривает свои ранние эстетические позиции. В этой связи понятным становится принципиальный отказ Лермонтова в поэме «Сашка» от априорной заданности романтического искусства, его схем:

К тому же я совсем не моралист, —
Ни блага в зле, ни зла в добре не вижу.
Я палачу не дам похвальный лист,
Но клеветой героя не унижу

[6, т. 2, с. 301].

Главной задачей поэмы «Сашка», задуманной как роман в стихах, являлось создание образа героя своего времени. Облик Сашки по ряду признаков близок к Печорину из «Героя нашего времени». Их роднит презрение к «свету», желание и умение пренебречь его законами, известный демократизм, природная одаренность, рождение «под губительной звездой» и, наконец, ранняя смерть. Любопытно, что такой соотносительности практически не наблюдается в образах Сашки и другого Печорина — героя повести «Княгиня Лиговская», над которой Лермонтов работал в 1836 г.

Наконец, суждения М. Николоевой об отсутствии упоминания в поэме о смерти Пушкина, о Петербурге и т. п. не могут быть аргументами для датировки «Сашки». И даже строки об ожидающейся комете (речь идет о знаменитой комете Галлея, появившейся 13 ноября 1835 г.) также не имеют отношения к дате создания поэмы. Не исключено, что действие в поэме происходит в 1835 г., но она сама создана в 1839 г.

Недостаточно убедительным, по нашему мнению, является рассуждение И. Андроникова о том, что Лермонтов не мог одновременно и в поэме «Сашка», и в стихотворении «Памяти Одоевского», предназначенном для печати, использовать одни и те же строки. Ведь ниоткуда не следует, что «Сашка» был предназначен для печати в том же, 1839 г.

В лирических отступлениях поэмы Лермонтов создал образ поэта, судьба которого оказывается трагической. Не понятый толпой, поэт гибнет в бездушном мире современной действительности. Для такого обобщения у Лермонтова был и конкретный жизненный материал: судьбы А. Пушкина, А. Полежаева, А. Одоевского, других поэтов-декабристов.

В строфе 33 сказано:

...«Сашка» — старое название!
Но «Сашка» тот печали не видал,
И незрелый он угас в изгнание

[6, т. 72, с. 285].

Речь здесь идет о смерти А. Полежаева, автора неопубликованной поэмы «Сашка». Он умер в 1838 г., что само по себе требует пересмотра ранней даты создания поэмы. Кроме того, в строфе 138-й говорится о безвременной гибели «певца»:

И мир твоим костям! Они сгнут,
Покрытые одеждою военной...
.....
Ответствуй мне, певец,
Куда умчался ты?.. Какой венец
На голове твоей? И все ль, как прежде,
Ты любишь нас и веруешь надежде?

[6, т. 2, с. 319].

Даже учитывая художественную обобщенность романтического образа поэта, нельзя не обратить внимания на реалистическую деталь — упоминание о «военной одежде» «певца», заставляющую вспомнить и о смерти А. Одоевского в 1839 г.

Правда, в комментариях И. Андроникова к одному из последних собраний сочинений Лермонтова отрицается мнение о том, что в строфах 137—138 Лермонтов упоминал А. Одоевского. Выдвигается предположение: речь идет якобы о неведомом друге Лермонтова — молодом поэте, покончившем жизнь самоубийством [7, т. 2, с. 532]. Совершенно непонятно, откуда возникла версия о самоубийстве «юного поэта», о чем в тексте ничего не говорится. Мы встречаемся здесь с обобщенным образом поэта-романтика, созданным по законам романтической эстетики (отсюда мотивы безнадежной любви, непонятости, одиночества и т. п.). Однако несомненная переключка строф

137—138 со стихотворением «Памяти Одоевского» прямо свидетельствует: Лермонтов, создавая в поэме возвышенный образ «певца», явно имел в виду и ссыльного поэта-декабриста, с которым познакомился в 1837 г. Заслуживает внимания мнение Н. Эйдельмана: «В поэме «Сашка», написанной примерно в то же время (т. е. около 1839 г. — Л. С.), Лермонтов снова напоминает об Одоевском» [12, с. 105].

Учитывая разнообразие исторических фактов, отраженных в поэме, можно согласиться с точкой зрения Р. Заборовой, которая высказалась в пользу ее «протяженной датировки». При этом условии в поэму «укладывается все то, что можно приурочить к определенному времени: весенние холода и явления периодических комет, равно имевшие место и в 1835, и в 1839 годах, отсылки на смерть Полежаева, А. Одоевского» [1, с. 218] и т. д.

В строфе 24-й поэмы Лермонтов, знакомя читателей с обитательницами дома на Пресне, объяснил, почему одну из них — Варюшу — он «перекрестил» в Парашу. Имя Варюша вызывало у него воспоминания о Варваре Лопухиной, любовь к которой поэт сохранил с юношеских лет до конца жизни. В 1835 г. Лопухина вышла замуж. Это событие Лермонтов переживал мучительно, восприняв ее замужество как измену:

Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать название:
Скажу ль, при этом имени, друзья.
В груди моей шипит воспоминанье,
Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит...

Трудно предположить, что следующие строки:

...Ужели
В моей груди изгладить не успели
Столь много лет и столько мук иных —
Волшебный стан и пару глаз больших? —

и далее:

Да, много лет и много горьких мук
С тех пор отяготело надо мною...

[6, т. 2, с. 282—283] —

были написаны до замужества Лопухиной или сразу после него. Очевидно, они появились спустя несколько лет.

Все эти соображения позволяют прийти к выводу: основной этап работы Лермонтова над поэмой «Сашка» относится к 1839 г. Поэтому вызывает сомнение суждение И. Андроникова о том, что наличие в «Сашке» намеков, «которые и тогда не могли быть понятны непосвященному читателю, подтверждают, что поэма писалась в ту пору, когда Лермонтов еще довольствовался поэтической известностью в дружеском кругу и писал вещи, не предназначенные для печати» [7, т. 2, с. 532—533]. Содержание и структура поэмы противоречат этой точке зрения. Множество признаков свидетельствует о том, что Лермон-

тов писал «Сашку» в расчете на публикацию. Попытка создать образ современника, желание дать его развернутую характеристику, выявить социальную детерминированность натуры «доброго малого», причины его оппозиции «свету» — все это не могло мыслиться вне широкой читательской аудитории. Отсюда прямые обращения к читателю:

Будь терпелив, читатель милый мой!
Кто б ни была ты: внук Евы иль Адама,
Разумник ли, шалун ли молодой...

[6, т. 2, с. 276];

Итак, герой наш спит, приятный сон,
Покойна ночь, а вы, читатель милый,
Пожалуйте, — иначе принужден
Я буду удержать вас силой...

[6, т. 2, с. 290], —

а также «оглядка» на критиков:

Да, мерзкий критик, что ты не толкуй...

[6, т. 2, с. 287];

Скорей судей молчаньем я принужу
К решению... Пусть суд их будет строг!
Пусть журналист всеведущий хлопочет,
Зачем тот плачет, а другой хохочет!

[6, т. 2, с. 298].

Необходимо также вспомнить характерное заявление о стремлении «издать» свои «записки», содержащееся в первоначальной редакции первой строфы [6, т. 2, с. 553].

Выше уже отмечалось наличие в поэме важных литературных деклараций, адресатом которых был явно не узкий «дружеский круг» автора, а более широкая аудитория, имевшая отношение к литературе. Судя по скрытым и явным литературным цитатам, Лермонтов обращался к многочисленным читателям, рассчитывал на их образованность, искушенность в современной литературе и литературной полемике. Поэт учитывал и вероятность появления оппонентов после публикации поэмы:

Кто недоволен выходкой моей,
Тот пусть идет в журнальную контору.
С листком в руках, с оравом друзей,
И, веруя их опытному взору,
Печатает анафему, злодей!..

[6, т. 2, с. 322—323].

Итак, мы пытались уточнить время работы Лермонтова над одной из его реалистических поэм. По нашему мнению, реалистические поэмы следует публиковать в таком порядке: «Тамбовская казначейша» (1837—1838), «Сашка» (1835—1839), «Сказка для детей» (1839—1840). Эта последовательность помогает полнее уяснить характер творческой эволюции поэта. От «Тамбовской казначейши», в основе сюжета которой лежит конкретный случай анекдотического характера, связанный со структурой «юнкерских поэм» (1834) и особенно с поэмой «Мон-

го» (1836), Лермонтов перешел к непосредственной работе над «Сашкой». Ее первый этап связан с манерой повествования, характерной для «юнкерских поэм» и некоторых лирических стихотворений начала 30-х годов («Девятый час; уж темно; близ заставы...», «Склонись ко мне, красавец молодой», «Дай руку мне, склонись к груди поэта»). В процессе работы над поэмой ее замысел углублялся, в обрисовке характера главного персонажа постепенно проступали черты «героя своего времени». Пю степени осознанности задач, которые Лермонтов ставил перед собой, по обострившемуся интересу к социальной проблематике, напряженности литературно-эстетических поисков, которые приобрели форму прямых литературных деклараций, поэму «Сашка» можно считать одним из этапных произведений Лермонтова, написанных уже с учетом опыта «Тамбовской казначейши».

1. Заборова Р. Новонайденные рукописи Лермонтовского музея // Рус. литература. 1962. № 3. 2. Закруткин В. А. Пушкин и Лермонтов. Ростов-на-Дону 1941. 3. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений / Под ред. Висковатова П. А. М., 1889. 4. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. / Под ред. Эйхенбаума Б. М. М.; Л., 1935—1937. 5. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Андроникова И. Л. М., 1953. Т. 2. 6. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Мануйлова В. А. и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1979—1981. 7. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Андроникова И. Л. и др. М., 1983—1984. 8. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. 9. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. 2-е изд. М., 1972. 10. Найдич Э. Э. О тексте и датировке поэмы М. Ю. Лермонтова «Сашка» // Тр. Гос. публич. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1958. Т. 5(8). 11. Рейсер С. А. Основы текстологии. Л., 1978. 12. Эйдельман Н. Я. «Мой милый Саша»... // Наука и жизнь. 1982. № 12.

Статья поступила в редколлегию 15.10.88

К. А. Г и т я н и н, ассист.,
Каменец-Подольский пединститут

Романтическая традиция в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина 40-х—начала 60-х годов XIX в.

Салтыков-Щедрин, писавший в юности романтические стихи, быстро освободился от романтического мировоззрения, высмеивал его как нежизнеспособное. Но писатель-реалист на протяжении почти всего творчества использовал романтические художественные средства без цели пародирования. Исследователи творчества сатирика истолковывали эти романтические элементы в основном с мировоззренческой стороны: выявляли их философское и общественное содержание [9, с. 161—162; 10, с. 269], видели в них только критическое отношение к романтизму как миропониманию [7, с. 237—260]. Эстетическое толкование касалось лишь некоторых моментов. Например, в общей